

ЧЕЙ РУБЛЬ ВЕСОМЕЙ?*

К. П. ГЛУЩЕНКО,
кандидат экономических наук,
Институт экономики и организации промышленного
производства СО РАН,
Новосибирск

В статистических данных о темпах роста потребительских цен бросается в глаза значительное различие месячных и годовых темпов в разных регионах страны. Возникает законный вопрос: каков итоговый результат этого за весь период, прошедший с момента либерализации цен? Может, мы просто наблюдаем неравномерность распространения инфляции по стране, а цены в конечном счёте везде выросли примерно одинаково? Или же в гонке цен одни регионы постоянно опережали другие, и в итоге различие в уровне цен между регионами стало столь значительным? По сути, речь идёт о покупательной способности рубля в разных частях страны – одинакова она или же заметно разнится? В статье предпринята попытка ответить на этот вопрос применительно к регионам Западной Сибири.

Прежде всего нужно сказать, что имеется в виду под уровнем цен. Это агрегированная цена набора товаров и услуг, который используется Госкомстатом России для расчё-

* Работа выполнена при поддержке Российской программы Консорциума экономических исследований и образования (грант № 97-2611). Автор благодарит за содействие И. Б. Алушкину (Госкомстат Республики Алтай) и Т. Н. Кольбах (Новосибирский облкомстат).

та индексов потребительских цен (ИПЦ)¹. Агрегирующими весами в ИПЦ служат доли расходов на каждый из товаров (услуг) в общих расходах на потребление. Эти доли определяются ежегодно на основе бюджетных обследований, ведущихся статистическими органами. Общий уровень цен соответствует всему набору товаров и услуг, охватываемому сводным ИПЦ, а его составляющие – уровень цен продовольственных товаров, промтоваров, услуг – наборам, по которым рассчитываются соответствующие индексы цен.

Допустим, мы знаем, каким был уровень цен в регионе в декабре 1991 г. Тогда легко можно получить его величину для любого последующего момента времени, умножив исходное значение на совокупный рост цен за истекший период, который рассчитывается цепным методом – перемножением месячных индексов цен, взятых из публикаций Госкомстата. Что же касается уровня цен в декабре 1991 г., то с большим основанием можно предполагать, что он был примерно одинаков во всех регионах России (во всяком случае, западносибирских).

Сам по себе абсолютный уровень цен мало о чём говорит. Гораздо интереснее соотношение таких уровней, складывающихся в разных регионах. В качестве «точки отсчёта» естественно взять среднероссийский показатель и рассматривать не абсолютные, а относительные уровни цен. Раз уровни цен в декабре 1991 г. предполагаются одинаковыми по всей стране, то для этого момента все региональные уровни цен, отнесённые к среднероссийскому, будут равны 1, а для всех последующих моментов – росту цен в регионе с января 1992 г., делённому на рост цен по стране в целом.

Обратная величина характеризует покупательную способность рубля в регионе в сравнении со среднероссийской: чем выше в регионе относительный уровень чем, тем она ниже. Далее относительные уровни цен для краткости будут называться просто уровнями цен.

¹ Состав этого набора приведён в «Методологических положениях по статистике», вып. 1 (М.: Логос, 1996)..

Величины общих уровней потребительских цен в западно-сибирских регионах с января 1992 г. по март 2000 г. приведены в табл. 1².

Таблица 1

**Общий уровень потребительских цен в регионах
Западной Сибири на декабрь соответствующего года
(среднероссийский уровень = 100%)**

Регион	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000 (март)
Республика Алтай	119,0	146,6	108,2	95,6	87,2	89,4	88,4	86,9	86,3
Алтайский край	119,0	145,7	124,5	130,6	128,6	129,1	119,7	118,8	118,4
Кемеровская область	81,8	112,6	137,2	138,8	138,0	134,6	124,3	115,4	115,3
Новосибирская область	103,3	107,8	120,3	112,0	118,0	117,5	108,7	101,6	102,8
Омская область	85,1	96,0	94,2	91,5	97,7	98,0	91,4	87,7	87,2
Томская область	89,9	113,8	112,7	117,3	125,3	125,7	118,9	119,1	118,2
Тюменская область	93,1	129,7	115,7	112,2	110,5	114,5	102,1	101,9	103,6

Источник: расчёты автора по данным Госкомстата РФ.

Из представленных данных можно видеть, что за проведённой в январе 1992 г. либерализацией цен последовало быстрое «разбегание» уровней цен, причём в одних регионах уровень цен стал превышать среднероссийский, в других упал ниже его. Для того времени такое поведение цен представляется вполне закономерным. Хотя к концу 1991 г. магазинные полки зияли пустотой по всей стране, в разных её частях острота дефицита была всё же неодинакова.

² Более детальная информация имеется в статье Глушенко К.П. Динамика уровней потребительских цен в Западной Сибири // Вопросы статистики. 2000. № 2, где представлена в графическом виде помесечная динамика как общих уровней цен, так и уровней цен продовольственных товаров, промтоваров, услуг за 1992-1999 гг.

С одной стороны, уже тогда душевые доходы населения довольно сильно разнились от региона к региону, обуславливая различия в платежеспособном спросе. Но, с другой стороны, объёмы поставок товаров в тот или иной регион в те времена диктовал вовсе не спрос, а административные решения. В результате в каждом регионе сложился свой потенциальный равновесный уровень цен, который смог бы уравнивать спрос и предложение, тогда как фактический (и крайне неравновесный) уровень был везде примерно один и тот же. Поэтому как только цены в январе 1992 г. были отпущены на свободу, они устремились от этого единого уровня к локальным равновесным уровням.

Пресловутый «денежный навес» – вынужденные сбережения, вызванные дефицитом товаров, – инфляция поглотила уже в первые месяцы после освобождения цен. Однако расхождение региональных уровней цен получило новый толчок от усилившейся дифференциации доходов населения, проживающего в разных частях страны. За взрывным ростом цен последовали требования о повышении заработной платы. Но в первую очередь это повышение смогли «вырвать» только те регионы, которым было чем надавить на «центр», в частности шахтёрская Кемеровская область и нефтедобывающая Тюменская. Опережающий рост доходов в таких регионах провоцировал ускоренный рост цен по сравнению с более бедными субъектами Федерации.

Казалось бы, рост спроса в каком-то регионе, о чем сигнализировали более высокие цены, должен был бы вызвать и рост предложения – переток в этот регион товаров из других, где цены ниже. Это в конечном счёте привело бы к сближению уровней цен в разных регионах: приток товаров туда, где они дороже, замедлил бы рост цен (или даже снизил бы их), а отток оттуда, где цены ниже, обусловил бы их рост. В этом и состоит механизм действия «закона единой цены» в интегрированной рыночной экономике, согласно которому пространственные различия цен товаров могут быть обусловлены только транспортными издержками.

Вряд ли можно было ожидать, что такой механизм начнёт действовать сразу же после либерализации цен. Как роз-

ничная, так и оптовая торговля тогда всё ещё оставались в основном государственными и не имели ни заинтересованности в поиске и закупке товаров в регионах с более низкими ценами, ни возможностей для этого, ни навыков такой деятельности. Однако по мере того как формировалась рыночная инфраструктура, приватизировалась торговля и вообще создавались рыночные институты, межрегиональный переток товаров должен был бы расширяться, а расхождение уровней цен между регионами – смениться их сближением.

Начальный «период расхождения цен» продлился примерно два года, завершившись к началу 1994 г. Но после этого уровни цен если и сближались, то весьма слабо; скорее можно сказать, что межрегиональные разрывы в уровнях цен стабилизировались. Причём при таких значениях, которые никак не отнести на счёт разницы в затратах на перевозку товаров в различные регионы. Так, в марте 2000 г. различие общих уровней потребительских цен в Западной Сибири достигало 1,4 раза. Что удивительно, на концах спектра оказались соседние регионы – Алтайский край и Республика Алтай. Это говорит о том, что российскому потребительскому рынку ещё далеко до интегрированности – на пути межрегиональных перетоков товаров стоят гораздо более серьёзные барьеры, чем расстояние. Так что «единое экономическое пространство» – скорее поэтический образ, чем нечто реальное (хотя здесь речь идёт о Западной Сибири, анализ данных по всем российским регионам, в том числе и с использованием цен отдельных товаров, дал качественно схожую с рассмотренной картину).

Ниже среднероссийской стоимость жизни (и, соответственно, выше покупательная способность рубля) только в двух западносибирских регионах из семи: в Омской области и в Республике Алтай. Правда, после августовского кризиса 1998 г. в Тюменской и Новосибирской областях общий уровень цен снизился практически до среднероссийского. И вообще, кризис привёл к тому, что во всех регионах Западной Сибири стоимость жизни в сравнении со средней по стране стала заметно ниже «докризисной». При-

чина, видимо, в том, что доля импортных товаров на рынках западносибирских регионов была существенно меньше, чем в среднем по России в целом. А поскольку после августа 1998 г. отечественные товары подорожали далеко не столь значительно как импортные, рост потребительских цен в Западной Сибири отстал от среднероссийского.

Общий уровень цен кроме товаров охватывает и услуги, которые в межрегиональной торговле не участвуют, и поэтому цены их в разных регионах могут быть совершенно различными. Так может, различия в ценах услуг и определяют разрывы между региональными стоимостями жизни? Рассмотрим поэтому отдельно составляющие общего уровня цен: уровни цен продовольственных и промышленных товаров и услуг. Разрыв между регионами по уровню цен на продовольственные товары ещё больше, чем по уровню стоимости жизни: в марте 2000 г. он был равен 1,8 раза. Но зато в Западной Сибири продуктов на один рубль можно было купить больше, чем в среднем по стране, причём в Республике Алтай и Новосибирской области – почти вдвое больше. Выше среднероссийского уровень цен продовольственных товаров был только в Тюменской области, но после августовского кризиса и там он стал меньше, чем в среднем по России.

Уровень цен промышленных товаров в трёх западносибирских регионах выше среднего по стране, в четырёх – ниже. Эффект уменьшения относительных уровней цен после августа 1998 г. для промтоваров оказался значительней, чем для продовольственных. Это вполне естественно, так как удельный вес импорта на продовольственном рынке значительно меньше, чем на рынке промтоваров.

По динамике уровней цен на услуги различия между регионами Западной Сибири достигают огромных размеров: почти 12-кратные в марте 2000 г. Лишь в двух регионах уровни цен ниже среднего по стране (в Алтайском крае – 67%, в Омской области – 82%), в остальных – выше: от 1,8 раза в Новосибирской области, до 7,8 раза в Кемеровской. Отсюда можно заключить, что резкие повышения общих уровней цен (в частности, в Новосибирской и Кеме-

ровской областях и Республике Алтай) обязаны именно скачкам цен на услуги.

Среди услуг выделяются две группы. Первая – услуги частного сектора, где действуют рыночные цены, которые растут почти непрерывно и более-менее плавно. Вторая группа – услуги, предоставляемые государственным сектором, и те, тарифы на которые устанавливаются административно или регулируются: жилищно-коммунальные услуги, электроэнергия, проезд на городском транспорте и электричке и т.д. Тарифы на такие услуги меняются рывками: какое-то время они остаются неизменными (пока местные власти не решат – или не разрешат – их поднять), но зато когда уж повышаются, то весьма резко.

Особенно это касается тарифов на жилищно-коммунальные услуги. Начавшаяся в 1994 г. реформа оплаты жилищно-коммунальных услуг вызвала громадные скачки тарифов. Например, в январе 1994 г. они были увеличены в Новосибирске сразу в 16,6 раз, потом было ещё несколько подобных скачков. Повышение тарифов на эти услуги в Кемеровской области в марте 1994 г. было ещё значительней. Из недавних примеров – повышение вчетверо квартплаты в Томске в июне 1999 г., в связи с чем Томская область тогда отличилась самым высоким в стране темпом инфляции. Пики в росте уровней цен на услуги – это в большинстве случаев и есть результаты скачков тарифов на жилищно-коммунальные услуги.

Некоторые из полученных величин вызывают сомнения. Например, что уровень цен продовольственных товаров в Новосибирской области и промтоваров в Тюменской вдвое ниже среднего по стране, или что уровень цен промтоваров в Алтайском крае вдвое выше среднероссийского. Не согласуется соотношение уровней цен продовольственных товаров в западносибирских регионах и с соотношением стоимости набора из 25 основных продуктов питания, публикуемой Госкомстатом РФ. Так, диапазон стоимости этого набора по регионам Западной Сибири относительно среднего по России в декабре 1998 г. составлял 94–113%, тогда как уровней цен продовольственных товаров – 54–96%,

причём не совпадает и ранжирование регионов по значениям этих двух показателей. Потому нельзя не затронуть вопрос о том, насколько надёжны полученные результаты.

Один из возможных источников неточностей – предположение о том, уровни цен в декабре 1991 г. были одинаковыми во всех регионах. Это предположение можно оспаривать. Так, не подтверждают его данные региональных статистических органов о темпах роста потребительских цен за 1991 г., приведённые в табл. 2. Предпоследний столбец этой таблицы – тот же, что и в табл. 1 на март 2000 г., а последний отличается от него тем, что начальные (в декабре 1991 г.) уровни цен приняты не равными друг другу, а учитывающими рост цен за 1991 г. из столбца «сводный ИПЦ» (т.е. предполагается, что региональные уровни цен совпадали в декабре 1990 г., но за 1991 г. разошлись между собой). Сопоставление двух последних столбцов показывает, что учёт инфляции за 1991 г., действительно значительно изменил бы то региональные уровни цен.

Однако использование данных, представленных в табл. 2, по-видимому, не повысило бы, а наоборот, понизило точность полученных результатов. Дело в том, что тогда в нашей стране делались первые шаги статистического наблюдения за инфляцией и в 1991 г. индексы цен рассчитывались в каждом регионе по-своему, затем по единой методологии их пересчитали только некоторые региональные комитеты по статистике (вследствие этого региональные индексы цен за 1991 г. не имеют статуса официальных – таковыми являются только индексы для России в целом). Столь большие различия между темпами роста цен за 1991 г. в регионах Западной Сибири представляются маловероятными. Скорее всего, они всецело обязаны недостаткам первичной регистрации цен и методик расчёта ИПЦ. Яркий пример – сводный ИПЦ по Омской области: он выше среднероссийского, тогда как все его компоненты – ниже. Некоторые другие величины – как исходные, так и рассчитанные (например, почти двукратное превышение среднероссийского уровня в Томской области в последнем столбце) – также вызывают сомнения.

Таким образом, приведённые в табл. 2 данные не могут служить убедительным свидетельством существенного расхождения региональных уровней цен за 1991 г. Другие данные, к сожалению, весьма отрывочные, дают совершенно иную картину: региональные уровни цен не очень различались даже в конце 1991 г. В пользу этого можно привести следующие соображения.

Таблица 2

**Рост потребительских цен в Западной Сибири
и по России в целом за 1991 г., %**

Регион	ИПЦ, декабрь 1991 г. к декабрю 1990 г.				Общий уровень цен в марте 2000 г. относительно среднероссийского	
	свод- ный	на продол- вольст- венные товары	на промыш- ленные товары	на услуги	без учёта инфля- ции за 1991 г.	с учётом инфля- ции за 1991 г.
Россия	260,4	236,3	310,7	178,6	100,0	100,0
Республика Алтай*	—	—	—	—	86,3	117,3
Алтайский край	354,1	340**	510	190	118,4	161,0
Кемеровская область	236,8	222,8	186,4	—	115,3	104,8
Новосибир- ская область	322,9	301,1	416,9	248,9	102,8	127,5
Омская область	264,8	192,8	284,1	156,8	87,2	88,7
Томская область	428,8	445,1	400,9	206,1	118,2	194,7
Тюменская область	211,6	259,7**	214,2	162,6	103,6	84,2

Источники: региональные комитеты по статистике; частные сообщения; данные по России – Госкомстат РФ; последние два столбца — расчёты автора.

* ИПЦ по Республике Алтай рассчитываются только с 1993 г., до этого она рассматривалась как часть Алтайского края и ИПЦ для этих регионов были общими.

** Без алкогольных напитков.

Наибольший вклад в рост цен в 1991 г. внесло единовременное централизованное повышение в два раза государственных розничных цен в апреле того года (приснопамятная «реформа цен»). Тогда инфляцию сверх этого роста, о которой говорят цифры в табл. 2, следует отнести на счет движения рыночных цен. В 1991 г. действительно имелись многочисленные товары с такими ценами: в комиссионных магазинах, в киосках, на колхозных рынках, у уличных продавцов, товары кооперативного производства и даже часть товаров, выпускавшихся государственным сектором (с договорными ценами). Но есть много оснований полагать, что доля затрат на товары со свободными ценами в общих потребительских расходах населения вплоть до конца 1991 г. была относительно невелика. Поэтому даже если рыночные цены резко различались по регионам, это не могло привести к существенной дифференциации агрегированных уровней цен (поскольку такие различия сглаживались бы низкими агрегирующими весами).

Что касается промышленных товаров, объём их продаж по рыночным ценам – по сравнению с товарами с государственными ценами – был весьма мал. Промтовары со свободными ценами в основном не были заменителями товаров с фиксированными ценами (или являлись отдалёнными заменителями), поэтому дефицит в государственном секторе не сдвигал спрос в сторону рыночного сектора. То же самое справедливо и по отношению к услугам.

С продовольственными товарами не столь ясно. Среди продуктов с рыночными ценами была группа товаров, являвшихся близкими заменителями товаров с государственными ценами (включая такие существенные, как мясо, овощи и т.д.). И по мере нарастания дефицита в государственном секторе в течение 1991 г. всё большая доля спроса вынужденно переключалась на товары с рыночными ценами. Однако, во-первых, эта группа была не очень широкой. Во-вторых, большинство потребителей по-прежнему предпочитали покупать продукты в государственных магазинах – как из-за более низкой цены, так и по привычке

(несмотря на очереди, талоны, нехватку необходимых товаров и т.п.). Так что хотя доля продовольственных товаров с рыночными ценами в потреблении и была заметной, она оставалось относительно небольшой.

Высказанные соображения тем не менее оставляют место для сомнений. Не имея полных данных, нельзя исключить возможность, что годовые темпы инфляции за 1991 г. все же различаются по регионам. Но иного выхода, кроме как принять предположение о равенстве региональных уровней цен к моменту либерализации, нет. Если они действительно были разными, это различие не должно быть велико, по экспертной оценке – не более 10-15%. Использование данных, приведённых в табл. 2, дало бы гораздо большие искажения.

Существуют и другие потенциальные источники неточностей. Во-первых, у цепного метода расчёта индексов большой недостаток: однажды опущенная ошибка измерения будет постоянно присутствовать в производстве месячных индексов. И, следовательно, в индексе потребительских цен могут накапливаться ошибки (возможно, именно этому обязаны подозрительно высокие уровни цен промтоваров в Алтайском крае).

Во-вторых, агрегирующие веса, используемые для расчёта ИПЦ, индивидуальны для каждого региона. По сути, это означает, что покупательная способность рубля измеряется относительно разных «корзин» товаров и услуг: хотя состав «корзины» один и тот же во всех регионах, её структура в каждом из них своя. Поэтому региональные уровни цен на деле не вполне сопоставимы (к примеру, возможна ситуация, когда все цены в двух регионах одинаковы, но агрегированные уровни цен окажутся разными).

На вопрос о том, что лучше – единая или индивидуализированная по регионам система весов – однозначного ответа нет. Использование неодинаковых систем весов аргументируется тем, что структура потребления в разных частях России объективно различна (взять хотя бы Северный Кавказ и Сибирь), и усреднение её по стране будет да-

вать искажённое представление о стоимости жизни на той или иной территории. Однако, с другой стороны, структура потребления зависит не только от региональной специфики, но и от соотношения цен в регионе. В результате веса оказываются зависимыми от самих взвешиваемых ими цен – возникает обратная связь между ценами и весами. Если, например, в регионе цена какого-то товара (или услуги) резко вырастет в сравнении с другими, то – при малоэластичном спросе – доля этого товара в потреблении (в стоимостном выражении), а значит, и вес в индексе потребительских цен значительно увеличится. В особенности это относится к большинству жилищно-коммунальных услуг, потребление которых в российских условиях абсолютно неэластично по цене.

И, наконец, в-третьих, как установил В. А. Бессонов, проведя тщательный анализ методики построения российских ИПЦ³, эта методика может приводить к смещениям индексов цен. Любопытно, что вразрез с расхожим мнением, официальный индекс потребительских цен при этом даёт не заниженный, а, наоборот, завышенный (за 1992–1996 гг. – на 35%) темп роста цен. Вполне вероятно, что такие смещения окажутся разными для отдельных регионов, сдвигая региональные уровни цен относительно друг друга.

Резюмируя, можно сказать, что региональные уровни цен, полученные столь окольным путём (из месячных индексов цен за более чем восьмилетний период, причём без учёта возможных расхождений цен за 1991 г.), наверняка страдают значительной неточностью. По-видимому, качественно общая картина в принципе соответствует действительности, отражая реальные тенденции. Но к количественным результатам следует относиться очень осторожно, не рассматривая их как непосредственную меру межрегиональных различий в стоимости жизни.

³ Бессонов В.А. О смещениях в оценках роста российских потребительских цен // Экономический журнал Высшей школы экономики. 1998. № 2.

Конечно, лучше было бы определять пространственные индексы цен (чем, по сути, региональные уровни цен и являются) не косвенно, через динамику цен, а напрямую, путём агрегирования цен в регионах в каждый данный момент времени. Тогда проблемы накопившихся ошибок, смещений, несовпадения начальных уровней цен просто отпали бы. Но на практике этот путь исключён из-за недоступности исходных данных. Так что приходится мириться с неизбежными последствиями окольного вычисления пространственных индексов цен.

Однако некоторый просвет всё же есть. Такой прямой расчёт пространственных индексов цен для января 1997 и 1998 гг. сделал А. Е. Суринов⁴ (которому доступ ко всей необходимой информации обеспечило его положение одного из руководителей Госкомстата РФ). Интересно сравнить полученные им результаты с описанными выше. Они сопоставлены в табл. 3 (уровни цен из цитируемой статьи пересчитаны относительно среднероссийского оттуда же, определяемого, как и ИПЦ по России, с учётом доли жителей каждого региона в населении страны).

Как видно, два способа расчёта уровней цен дают очень различающиеся картины соотношений между региональными ценами. Близких (с точностью до 5 процентных пунктов) величин оказалось менее четверти. Для общего уровня цен это имеет место лишь для Омской и Тюменской областей, а «рейтинги» западносибирских регионов по данному показателю оказываются совершенно различными. Разброс стоимости жизни по Западной Сибири при прямом расчёте пространственных индексов цен оказывается заметно меньше: 1,2 раза вместо 1,5. Максимальное расхождение двух оценок составляет (для Алтайского края) 1,4 раза.

Разброс уровней цен продовольственных товаров сокращается ещё больше – с 2 до 1,1 раза, а различие значений показателей, полученных двумя методами, достигает 2 раз (для Алтайского края и Новосибирской области). Упорядо-

⁴ Суринов А. Е. Вопросы количественной оценки межрегиональных индексов цен // Экономический журнал Высшей школы экономики. 1999. № 4.

ченность регионов по величине уровня цен значительно отличается и в этом случае. Причём прямой расчёт уровней цен не подтверждает, что во всей Западной Сибири продовольственные товары в целом дешевле, чем в среднем по стране. Нужно отметить, что приведённые в работе А. Е. Суринова соотношения уровней цен продовольственных товаров в западносибирских регионах гораздо больше согласуются с интуитивными представлениями, нежели полученные по динамике цен (хотя, конечно, такие представления могут быть и обманчивыми).

Таблица 3

**Относительные уровни цен в регионах
Западной Сибири на январь соответствующего года
(среднероссийский уровень = 100%)**

Регион	Общий уровень потребительских цен		Уровень цен продовольственных товаров		Уровень цен протмтоваров		Уровень цен на услуги	
	1987	1988	1987	1988	1987	1988	1987	1988
Республика Алтай	104	99	101	103	103	92	109	101
	86	89	51	51	62	61	267	333
Алтайский край	96	92	98	98	95	92	87	77
	127	130	77	80	184	184	73	75
Кемеровская область	108	104	110	108	107	107	96	91
	138	135	79	77	110	110	983	888
Новосибирская область	104	101	111	110	98	98	98	87
	117	118	54	55	99	98	202	206
Омская область	101	100	99	98	105	109	96	88
	98	98	64	64	134	133	91	90
Томская область	103	100	101	101	108	104	100	84
	127	126	98	101	128	130	266	238
Тюменская область	114	113	109	109	115	119	127	113
	110	113	102	103	53	56	528	529

Примечание. В числителе – по расчётам А.Е. Суринова, в знаменателе – рассчитанные по месячным ИПЦ с января 1992 г.

Для уровней цен промтоваров косвенный метод расчёта показывает, что разрыв между ними доходит в Западной Сибири до 3,3 раза, прямой расчёт – до 1,3 раза (что тоже кажется более близким к реальности). При этом для Тюменской области и Алтайского края результаты прямо противоположны: для первой он вместо самого низкого оказывается самым высоким, для второго – наоборот (а показатели, полученные для данных регионов двумя методами, разнятся вдвое). В то же время остальные регионы, несмотря на расхождение оценок уровней цен, ранжируются по ним почти одинаково.

Но самые большие расхождения в уровнях цен на услуги: вместо почти 12-кратного различия по Западной Сибири получается лишь 1,5-кратное. Значения уровней цен, рассчитанные разными методами, за исключением уровней цен в Алтайском крае и Омской области, различаются в несколько раз. При прямом определении уровней цен на услуги оказывается, что максимальный уровень (в данном случае он в Тюменской области, а не в Кемеровской) превышает среднероссийский не в разы, а менее чем на треть в январе 1987 г., и лишь на 18% в январе 1998 г. Причём в большинстве западносибирских регионов уровень цен на услуги теперь оказывается ниже среднего по стране. Но что удивительно, при столь значительной несогласованности оценок они дают близкое ранжирование регионов.

В чём же причина столь большой несогласованности между результатами двух методов? По-видимому, главную роль сыграла та несопоставимость, о которой говорилось выше: если индексы потребительских цен, на основе которых рассчитаны наши уровни цен, используют особую для каждого региона систему агрегирующих весов, то прямой расчёт уровней цен основывался на единой системе весов (средней по России структуре потребительских расходов).

Так, аномально низкие уровни цен продовольственных товаров в Алтайском крае и Новосибирской области (примерно 50% среднероссийского), полученные на основе ИПЦ, могут быть обязаны тому, что из-за низких дохо-

дов населения этих регионов в его потреблении преобладают наиболее дешёвые продукты, обуславливая высокий вес этих продуктов и низкий – дорогих. В итоге это даёт низкий агрегированный уровень цен продовольственных товаров. А на уровне цен услуг сказались главным образом те гигантские скачки тарифов на жилищно-коммунальные услуги, о которых шла речь ранее. Они дали громадные величины индексов цен на услуг в соответствующие месяцы, а также значительно увеличили вес этих услуг. Если вспомнить, что такие скачки индексов участвуют в расчёте уровня цен на любой последующий момент времени, то понятно, каков будет результат. Однако изложенное в данном абзаце – лишь гипотезы, сказать что-то более определённое можно только на основе анализа систем агрегирующих весов, используемых в региональных индексах и в среднероссийском. Но они – «страшная тайна» Госкомстата, недоступная сторонним исследователям.

Какие же, однако, величины «правильней»? Если отвлечься от возможных искажений, которые может дать сам окольный путь расчёта уровней цен, вопрос сводится к тому, что же такое стоимость жизни. Или, конкретней, как её измерять – по дифференцированной по регионам «корзине» товаров и услуг или же по единой для всей страны. Теоретически этот вопрос неразрешим – оба подхода «правильны», серьёзные обоснования имеет и тот, и другой. Первый, базируясь на реальной структуре потребления в данном регионе, обеспечивает хорошее описание динамики цен в этом регионе и позволяет судить о действительной значимости изменений цен тех или иных составляющих «корзины» для населения региона, но при этом ухудшается сопоставимость показателей между регионами. Второй подход, использующий унифицированную, «эталонную», структуру потребления, обеспечивает сопоставимость уровней цен (и покупательной способности рубля) по всей стране, однако для каждого отдельно региона уровни цен становятся в той или иной мере условными, не отражающими фактическую структуру потребления в нём.

Так что нужно выбирать меньшее из двух зол, исходя из практических соображений. На наш взгляд, меньшим по таким соображениям является использование унифицированной «корзины» (системы весов). Аргументом в пользу этого может служить сопоставление, представленное в табл. 3 Соотношения региональных уровней цен, которые даёт расчёт с единой системой весов, представляется более соответствующим экономической интуиции, чем полученные при дифференцированных по регионам весах. Лучше пожертвовать региональной спецификой, чем потерять твёрдую опору для межрегиональных сопоставлений.

Хотя прямой расчёт уровней даёт результаты, во многом отличающиеся от наших, он подтверждает главный вывод: российский потребительский рынок интегрирован весьма слабо (хотя картина существенно улучшается в сравнении с полученной косвенным путём). Покупательная способность рубля разнится в пределах Западной Сибири почти на четверть. Причём не в первую очередь из-за разных уровней цен на услуги: разрыв в уровнях цен продовольственных товаров составляет 12-14%, промышленных – 22–29%. И, опять-таки эти различия нельзя объяснить транспортными издержками – достаточно сравнить уровень цен в Новосибирской области и в соседних с ней Омской области и Алтайском крае или уровни цен промтоваров в ней и в примыкающих Омской и Кемеровской областях.